

Д. МАМИН-СИБИРЯК

С Е Р А Я

Ш Е Й К А

Первый осенний холод, от которого пожелтела трава, привел всех птиц в большую тревогу. Все начали готовиться в далекий путь. Да, нелегко перелететь пространство в несколько тысяч верст... Сколько бедных птиц дорогой выбьются из сил, сколько погибнут от разных случайностей.

Серьезная большая птица—лебеди, гуси, утки—собиралась в дорогу с важным видом, сознавая всю трудность предстоящего подвига; а более всех шумели, суетились и хлопотали маленькие птички. У них была такая большая работа...

Лес стоял темный и молчаливый, потому что главные певцы улетели, не дожидаясь холода.

—И куда эта мелочь торопится!—ворчал старый Селезень, не любивший себя беспокоить.—В свое время все улетим...

—Ты всегда был лентяем, поэтому тебе и неприятно смотреть на чужие хлопоты,—объяснила его жена, старая Утка.

— Даже и подумать страшно, как мы покинем здесь Серую Шейку одну-однешеньку, — повторяла Утка со слезами. — Все улетят на юг, в тепло, а она, бедняжка, здесь будет мерзнуть.

Серой Шейкой они называли свою калеку дочь, у которой было переломлено крыло еще весной, когда подкралась к выводку Лиса и схватила утенка. Старая Утка смело бросилась на врага и отбила детеныша, но одно крылышко оказалось сломанным.

Мать ввиду близившейся разлуки относилась к дочери-калеке с удвоенной нежностью. Ведь бедняжка еще не знала, что такое разлука и одиночество, и смотрела на сборы других в дорогу с любопытством новичка.

—Вы ведь весной вернетесь?—спрашивала Серая Шейка.
—Да, да, вернемся, моя дорогая... И опять будем жить вместе.
—Я буду все время думать о вас... Все буду думать: где вы,
что вы делаете, весело ли вам...

Старой Утке нужно было собрать все силы, чтобы не выдать своего отчаяния. Она старалась казаться веселой и плакала потихоньку от всех. Ах, как ей было жаль милой, бедненькой Серой Шейки...

А как быстро летело время... Был уже целый ряд холодных утренников. От инея пожелтели березки и покраснели осины. Вода в реке потемнела. Небо часто покрывалось тяжелыми облаками, ронявшими мелкий осенний дождь.

Серую Шейку больше всего огорчал перелет журавлей: они так жалобно курлыкали, точно звали ее с собой. У нее еще в первый раз сжалось сердце от какого-то тайного предчувствия, и она долго провожала глазами уносившуюся журавлиную стаю.

Лебеди, гуси и утки тоже начинали готовиться к отлету. Старые и бывалые птицы учили молодых. Каждое утро молодежь с веселым криком делала большие прогулки, чтобы укрепить крылья для далекого перелета. Сколько было крика, молодого веселья и радости...

Одна Серая Шейка не могла принимать участия в этих прогулках и любовалась ими только издали. Что делать, приходилось мириться со своей судьбой. Зато как она плавала, как ныряла! Вода для нее составляла все.

А время летело, быстро летело... Наступил роковой день. Это было ранним осенним утром. Вода еще была покрыта густым туманом. Старая Утка не спала всю ночь, сердце у нее изболелось. Несколько раз она решала про себя, что останется; но как останешься, когда есть другие дети и нужно лететь вместе с косяком?

— Ну, трогай! — громко скомандовал старый вожак, и стая поднялась разом вверх.

Серая Шейка осталась одна на реке и долго провожала глазами улетавший косяк. „Неужели я совсем одна?“ — думала она, заливаясь слезами...

Река, на которой осталась Серая Шейка, весело катилась в горах, покрытых густым лесом. Место было глухое, и никакого жилья кругом. По утрам вода у берегов начинала замерзать, а днем тонкий, как стекло, лед таял. „Неужели вся река замерзнет?“—думала Серая Шейка с ужасом.

Скучно ей было одной, и она все думала про своих улетевших братьев и сестер. Раз со скуки Серая Шейка забралась в лес и страшно перепугалась, когда из-под куста кубарем вылетел Заяц.

—Ах, как ты меня напугала, глупая!— проговорил он, немного успокоившись.— И зачем ты толчешься здесь? Ведь все утки давно улетели...

—Я не могу летать: Лиса мне крылышко перекусила, когда я была совсем маленькой...

Они познакомились. Заяц был такой же беззащитный, как и Серая Шейка.

—Если бы мне крылья, как птице, я бы, кажется, никого не боялся!.. У тебя вот хоть и крыльев нет, так зато ты плавать умеешь, а не то возьмешь и нырнешь,—говорил он.—А я постоянно дрожу со страху...

Скоро выпал и первый снег, а река все еще не поддавалась холоду. Всего опаснее были ясные, звездные ночи, когда все затихало и на реке не было волн. Река словно засыпала, и холод старался сковать ее льдом сонную.

Так и случилось. Была тихая-тихая звездная ночь. Высокий месяц обливал все своим трепетным искрившимся светом. Бурлившая днем горная река присмирела, и к ней тихо-тихо подкрался холод, крепко обнял гордую, непокорную красавицу и точно прикрыл ее зеркальным стеклом.

Серая Шейка была в отчаянии, потому что не замёрзла только самая середина реки, где образовалась широкая полынья. Свободного места, где можно было плавать, оставалось не более пятнадцати сажен.

Огорчение Серой Шейки дошло до последней степени, когда на берегу показалась Лиса,—та самая, которая переломила ей крыло.

—А, старая знакомая, здравствуй!—ласково пропела она.—Давненько не видались...

—Уходи, пожалуйста, я совсем не хочу с тобой разговаривать,—ответила Серая Шейка.

Когда Лиса ушла, приковылял Заяц.
—Берегись, Серая Шейка: она опять придет.
И Серая Шейка начала бояться, как боялся Заяц. Она не могла даже любоваться творившимися вокруг нее чудесами.

Наступила уже настоящая зима. Земля покрылась белоснежным ковром. Даже голые березы, ольхи, ивы и рябины убрались инеем, точно серебристым пухом. Чудно, хорошо было кругом, а бедная Серая Шейка знала, что красота эта не для нее, и трепетала при одной мысли, что полынья вот-вот замерзнет и ей некуда будет деться.

Лиса пришла через несколько дней.
— Соскучилась я по тебе, уточка... Выходи сюда, а не хочешь,
так я сама к тебе приду.
И она принялась осторожно ползти по льду. У Серой Шейки
замерло сердце.

Но Лиса не могла подобраться к самой воде, потому что лед был еще очень тонок. Она положила голову на передние лапки и облизнулась:

—Какая ты глупая, уточка... Вылезай на лед! А впрочем, до свиданья! Я тороплюсь по своим делам...

Она начала приходить каждый день... Наступившие морозы делали свое дело. От большой полыни оставалось всего одно окно в сажень величиной. Лед был крепкий, и Лиса садилась на самом краю. Серая Шейка со страху ныряла, а Лиса зло подсмеивалась над ней:

— Ничего, ныряй, а я тебя все равно съем.

По всей вероятности, она и съела бы Серую Шейку, но случилось иначе.

Дело было утром. Был крепкий мороз, и зайцы грелись, поколачивая лапку о лапку. Хотя и холодно, а все-таки весело. Вдруг на опушке леса появился сгорбленный старичок-охотник.

Он прицелился из ружья, но зайцы его заметили и кинулись врассыпную.

**— Ах, лукавцы! — рассердился старичок. — Вот уж я вас...
И пустился разыскивать их по следам.**

Охотник порядком измучился, обругал лукавых зайцев и присел на берегу отдохнуть.

—Эх, старуха, старуха, убежала наша шуба!—думал он вслух. А тут, глядь,—Лиса по реке ползет, точно кошка... вот так штука! К старухиной-то шубе воротник сам ползет...

Старичок долго прицеливался, выбирая место в будущем воротнике. Наконец грянул выстрел. Сквозь дым охотник увидел — что-то метнулось по льду.

Со всех ног кинулся он к полынье... да только руками развел— воротника как не бывало, а в полынье плавала одна перепуганная Серая Шейка.

— Вот так штука! В первый раз вижу, как Лиса в утку обратилась. Ну и хитер зверь.

— Дедушка, Лиса убежала, — объяснила Серая Шейка.
— Убежала?.. А ты глупая, зачем тут плаваешь?
— А я, дедушка, не могла улететь вместе с другими. У меня одно крылышко попорчено...

Старичок добыл Серую Шейку из польни и положил за пазуху. „А старухе я ничего не скажу. Пусть ее шуба с воротником вместе еще погуляет в лесу. Главное: внушки обрадуются...“

Зайцы все это видели и весело смеялись. Ничего, старуха и без шубы на печке не замерзнет.

ХУДОЖНИК Г. УМАНСКИЙ

РЕДАКТОР Л. КОРВАЦКАЯ

Укркинозвоника, Киев-133, Щорса, 18
Министерство культуры УССР
№ 3757 II. 1989 г. Цена 30 коп.

МАДОУ детский сад № 2 г. Ивделя